

Здесь нам представляется уместным указание М. М. Бахтина на преимущество гуманитарной сферы философских размышлений: «Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаваний, сообщений. Здесь важна и тайна и ложь (а не ошибка)» [3, с. 206]. Как видим, тут уже мы обращаемся к взаимосвязи этико–психологических и культурологических аспектов, обеспечивающих «глубину» диалогизма.

Диалог между культурами, диалог между этносами, диалог т. н. четвертой власти с первыми тремя... Утрата этой, когда-то присущей человечеству еще со времен эллинов культуры диалога, оборачивается крайностями традиции максимализма монолога, и мы являемся свидетелями подобных крайностей [1, с. 28].

Становится ли сфера распространения и влияния понятия «диалог» более широкой, как мы утверждали еще год назад, скорее всего, выдавая желаемое за действительное [2, с. 47].

И все-таки очевиден пусть медленно, но идущий процесс расширения сфер применения дефиниции «диалог». Так, в культурологии мы все более обнаруживаем диалогические подходы к анализу взаимоотношений светского и религиозного миров и даже – к отношению или возможностям применения древних мистических учений к пониманию философии западной науки.

Не менее интересный и вполне новаторский поворот к расшифровке старого понятия «диалог» предложил в свое время Илья Пригожин, озаглавив немецкое издание одной из своих книг как «Диалог с природой». Именно новаторский, если не учитывать традиции восточной культуры и наших праотцев – древних славян еще с языческих, дохристианских времен, относившихся к Природе на основе принципов гармонии и личной ответственности за все живое. А ведь именно эти принципы так нуждаются в возрождении и обновлении спасительных подходов если не к разрешению экологического кризиса, то хотя бы к смягчению этой первоочередной по важности глобальной проблемы.

Еще более важной сферой применения диалогических подходов оказывается в последнее время необходимость возможного смягчения другой глобальной проблемы – ценностного кризиса двух культур и двух, в сущности, цивилизаций – христианского и исламского миров – как религиозного, так и светского. Всего около десяти лет тому назад Моисей Самойлович Каган был искренне убежден, что идея конвергенции, «сознания необходимости диалога Востока и Запада все решительней оттесняет европейскую и азиатскую формы изоляционизма» и что «опыт истории человечества в драматическом XX веке показал с полной убедительностью, что время монологических культур завершилось» [5, с. 534]. Но наступил XXI век, и оказалось, что «время монологических культур», увы, еще не только не прошло, но, кажется, ситуация еще более обострилась – с наступлением вместо «Эры милосердия» – «Эры терроризма». И оказывается, что все эти утонченные и вполне интеллигентские интенции европейцев насчет признания «alter ego», «инаковости», «взаимных действий» и диалога как «сосуществования с другими» – просто иллюзии, утопии, а в лучшем случае – проявление если не гипотетического, то вполне утопического мышления. Вот уж поистине как в известном парадоксе Тертуллиана, в котором он призывал к необходимости преодолевать «любовь к утонченности», дабы она не оказалась больше, чем «любовь к истине», и «сквозь все слои книжности докопаться до недр человеческой души».

И все-таки, вступая в диалог с М. С. Каганом (недавно ушедшим Учителем и Другом), так хочется согласиться с его мыслью о том, что «универсальная диалогичность как принцип переходного этапа в истории культуры... как широкий спектр разных форм соприкосновения, взаимодействия, сопряжения прошлого и будущего в настоящем» [5, с. 532]. Если «сопряжение» и «взаимодействие», то тогда действительно, как предлагал М. С. Каган, оказывается, что ценность универсального Диалога уже сейчас, в эпоху крутых перемен и россыпи огней «горячих точек» – «оптимальный тип отношений человека и человека, классов, наций, государствных систем, людей природы... и, может быть, альтернатива самоубийству человечества» [5, с. 535]. Если это не утопия, то вполне достойная гипотеза, заслуживающая сопоставления pro et contra с опасностями «монологизма» и рисками «изоляционизма».

Источники и литература

1. Архангельская А.С. Гипотеза о диалогической цивилизации // Материалы XXXV научной конференции. – Симферополь. 2006.
2. Архангельская А.С. Диалогика и максимализм. // Материалы международной конференции. – Ялта, 1997.
3. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. – М.: 1975.
4. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: 2004.
5. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – СПб.: 1997.

Гадеев А.В.

КАК НАЧАЛСЯ ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ

Установка отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм возникла вовсе не в период холодной войны, хотя тогда острота взаимоотношений с недавними союзниками была сильнее, чем сейчас, когда мы, с «легкой руки» Горбачева, «вместе» – в объятиях Запада.

Эту идею не приняли бы на Западе в 50-е годы те, кто обнимался на Эльбе и сопровождал северные конвои. В домах миллионов на Западе еще хранились британские газеты военного времени, исполненные восхищения перед жертвенной борьбой защитников Сталинграда, а английский писатель Толкиен, задумавший свои знаменитые сказки, еще воюя против немцев в Первую мировую войну, вывел под черным царством Мордор,

лежащим на Востоке, вовсе не СССР, как убеждены несведущие в истории постсоветские западники, а гитлеровскую Германию.

«Спор об истории» был открыт крупным германским историком Э. Нольте, учеником М. Хайдеггера, когда идеологическая борьба «тоталитаризма и демократии» настоятельно требовала пересмотра всех прежних суждений о мировой политике. Так, Россию стали обвинять даже и в развязывании Первой мировой войны. Западная историография, ничтоже сумняшеся, приняла трактовку марксиста М. Покровского, с подачи которого Первая мировая война до сих пор называется империалистической, хотя ей больше подошло бы название Второй Отечественной – как-никак России угрожало отторжение Прибалтики, Украины и лишение выхода в Средиземное море. Большевикам-то нужно было оправдать лозунг «поражения собственного правительства в войне». Но комиссия по установлению ответственности за Первую мировую войну в Версале в 1919 г. однозначно постановила, что вина лежит на Германии и Австро-Венгрии, с ней согласился и американский конгресс.

Борьба с «империей зла» требовала новых идеологием, и книги Э. Нольте пришлось как нельзя кстати. В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. Э. Нольте интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному и геополитическому господству, а как начавшуюся Октябрьской революцией «всевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола» (1).

Европа же, по Нольте, впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма, и лишь потом скопировала тоталитарные структуры у своего соперника. В такой схеме мишенью возмущенного сознания становится советский тоталитаризм сталинского периода и пресловутый пакт Молотова–Риббентропа, которые якобы, и стали причиной Второй мировой войны. В современной российской историографии появились новые имена М. Мальтюхова, Невежина, М. Соломина которые активно разрабатывают эту тему.

Западная и постсоветская литература постепенно наполнилась прямыми и косвенными обвинениями в адрес СССР, якобы ответственного за становление германского фашизма, формулируемыми в русле двух основных концепций. По одной из них СССР и Германия, – будто бы уже с Договора Рапалло, заключенного Советской Россией и Веймарской республикой на Генуэзской конференции 1921 года с целью избежать изоляции, планировали завоевание мира, – повели дело к войне и к пакту Молотова-Риббентропа.

Здесь очевидна натяжка исторических фактов, ибо Договор Рапалло был заключен Советской Россией с демократической Веймарской республикой, в которой никто и нигде даже не предвидел появления Гитлера и национал-социализм. В Ратенау не только не вынашивал планов долгосрочного партнерства с СССР, но порывался отклонить советское предложение. Далее, «рапальская линия» в политике Германии практически исхождает именно с приходом Гитлера к власти, и Договор 1939 года, как к нему ни относиться, явился итогом совершенно иных обстоятельств.

Концепция Э. Нольте к тому же весьма хитроумно затушевывает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом.

Однако фашизм итальянского типа или его элементы возникли одновременно почти во всех культурно-самобытных частях Европы после удручающих итогов Первой мировой войны и революции в Европе. Не случайно он появился в католических Франции, Испании Португалии, Италии; в Европе англосаксонской и германской – Англии, Австрии, Германии; в Бельгии, Нидерландах, Дании, Скандинавии; наконец, в Европе православной и славянской – Греции, Болгарии, России, Югославии и даже в полумусульманской Албании.

По мнению Э. Нольте энергия, вызванная из глубин общества, из самых традиционных крестьянских слоев, была направлена на «спасение либерального государства», что уже сомнительно. Наоборот, глубинка бунтовала против либеральной атомизации общества. Католическая церковь вряд ли приветствовала «либеральную систему», в которой от влияния религии освобождались все общественные институты и образование, а антиклерикальные силы заполнили властные структуры и прессу. Однако «сумрачный германский гений» и западноевропейский «прометеевский» дух подавления и насилия оказались почему-то неспособны на христианскую антитезу как идеологии пролетарского интернационализма, так и либеральной атомизации.

В результате «порыв» проявил все признаки вырождения отношения к Церкви и к власти как служебным инструментам (Франко и Муссолини): насилие, экстремизм, шовинизм, экспансия.

Концепция Э. Нольте сумела затушевать различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом Гитлера, ранее всегда признаваемого наукой о политических учениях. Сегодня общественная наука на Западе перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии. Теперь главный критерий – отсутствие «американской демократии». (Если бы наука биология заявила, что медведь-коала и гусеница – существа одного биологического класса, поскольку едят листья бамбука, ученых бы подняли на смех). Скоро фашистскими объявят все цивилизации мира и государства до XX века – монархии, общества религиозные. Если исчезает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом, то главный грех их обоих сводится к отсутствию «американской демократии». Однако нежелание какого-либо народа установить у себя демократию есть его право, и, само по себе, не несет вызова или угрозы миру, если только не сопровождается насильственным навязыванием этого выбора.

Что же было вызовом и угрозой миру со стороны гитлеровского Рейха, который развязал войну со всей Европой?

Попытка преодоления результатов Первой мировой войны и Версальской системы, в которой англосаксы примерно наказали немцев по принципу «Горе побежденным!» была бы естественным явлением мировой политики после каждой неудачной для какого-либо государства войны. Если бы окрепшая Германия ограничи-

лась локальными конфликтами и тяжбами за сопредельные территории, то такой ход событий мало, чем отличался бы от прошлых периодических войн за оспариваемые земли и вряд ли привел бы к Нюрнбергскому трибуналу.

Но Гитлер провозгласил претензии на территории и страны, никогда не бывшие в орбите германцев, как на Западе, так и на Востоке Европы. Такой проект нуждался в оправдании. Его родила **языческая нацистская доктрина природной неравнородности людей и наций**, отсутствующая у фашизма итальянского и у коммунизма.

Вместе это и стало **грандиозным всеобщим вызовом – как суверенности народов, международному праву, так и фундаментальному понятию монотеистической цивилизации об этическом равенстве людей и наций, на которых распространяется одна мораль, и которые не могут быть средством для других**. Именно универсальность вызова определила масштабы целей. Отрицание права других народов на историю позволяло истреблять второсортных и их культуру, жечь города и села. Ни в одной войне прошлого не было такой гибели гражданского населения на оккупированных территориях.

С легкой руки Э. Нольте коммунизм, всегда и везде считавшийся главной антитезой фашизму, стали называть его прототипом. Но объединять советский коммунизм с гитлеризмом – не только безнравственно, но и абсолютно антинаучно. Такой подход продиктован политической задачей дать интерпретацию Второй мировой войны как войны не за геополитические пространства, не за историческую жизнь народов, а как войны за «американскую» демократию.

Американский автор У. Лакер в книге под характерным для всей концепции названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера.» пытается доказать родство двух режимов – гитлеровского и советского, поэтому ему необходимо свести главный ужас немецкого «фашизма» к «тоталитаризму», поэтому он даже не акцентирует внимание на расовой теории и последовавших чудовищных идейных обоснованиях репрессий против евреев, насильственного перемещения рабской рабочей силы «остарбайтеров», занятие Черноземья СССР и Украины колонистами и программы сокращения второсортных русских, белорусов и украинцев на 40 млн. Иному автору никогда бы не простили такое «занижение» удельного веса Холокоста в преступлениях гитлеризма, но тут цель оправдывает средства, и все прощается. Целенаправленное идеологическое программирование сделало свое дело: сегодня принято объединять коммунизм с нацизмом, а гитлеровский нацизм с фашизмом итальянского типа.

Цель ясна – доказать, что главное зло XX века и вообще мировой истории – это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого был СССР сталинского периода, и выделить все, что может сойти за его подобие в гитлеровском рейхе.

Абсолютно антинаучная трактовка тождества нацизма и большевизма стала клише западного обществоведения, которым уже оперируют образованнейшие и именитые авторы. Директор французского Института международных отношений Тьерри де Монбриаль даже «удивляется» «противоестественности» антигитлеровской коалиции – «странного альянса», соединения двух демократий и империи, носившей такой же тоталитарный характер, как и режим, который предстояло сокрушить». (2) Но французам «Сопrotивления» и летчикам «Нормандии-Неман», проливавшим кровь вместе с русскими не за идеологию, а за свою любимую «прекрасную Францию», такой союз не казался противоестественным. «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм» – обронил и крупнейший современный французский историк Ф. Фюре.

Что уже говорить о ведущем американском историке-русисте Р. Пайпсе, который преподает свою китч-версию русской истории в Гарварде – кузнице американской политической элиты. Этот автор в наиболее плакатной форме выражает свой нигилизм в отношении России – как старой, так и советской. Он также называет русский большевизм «провозвестником» «теории элит», «тоталитаризма» и фашистских государств. Неприличный для «свободного» западного ученого социальный заказ проявляется в абсурдном добавлении, «что большевистская партия поддерживала свое «великорусское лицо» на протяжении всей истории своего существования. (3) Не-великорусское лицо первых большевиков и их тотальное отвержение русской истории давно уже стало притчей во языцех.

Именно эти книги переведены на русский язык постсоветскими либералами–западниками в постперестроечные времена.

Но тезис о родстве нацизма с «российским» коммунизмом не выдерживает анализа.

Коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать все человечество, на алтарь которого принесено все национальное. Первые пламенные большевики не скрывали, что Россия для них – вязанка хвороста для пожара мировой революции. Через призму религиозно-философских основ истории это учение, взятое в идеальных критериях, есть порождение так называемой «философии прогресса», которая в свою очередь родилась в христианском мире на пути отступления от христианства. Она выводится из ереси хилиазма – ложного учения о возможности тысячелетнего царства Божия на земле с праведниками и идеи утвердить в земной жизни равенство, даже насильно.

Германский нацизм, оттолкнувшись от преодоления Версальской системы, провозгласил право обескровливать другие нации для того, чтобы облагодетельствовать свою. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности народов, свойственной классической немецкой философии и Энгельсу, но и на расовом превосходстве, на утверждении природного и этического неравенства людей. По сути, они были возвратом к язычеству, к философии: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Это деление народов на «тварей бессловесных» и «тех, кто право имеет».

По философии германский нацизм отличен как от коммунизма, так и от фашизма итальянского типа, явившего лишь уродливый вариант «буржуазного» государства нового времени: «гипер-этатизм». Неразличе-

ние Э. Нольте фашизма и национал-социализма приводит его к косвенному оправданию гитлеровских завоеваний, раз Вторая мировая война – это «всееропейская война» идеологий, начатая в 1917 именно большевизмом. Так обесцениваются жертвы нашего народа, понесенные за право на историю.

Так война против Гитлера США и Британии уже, оказывается, велась не за то, чтобы французы и датчане оставались французами и датчанами, не за то, чтобы латыши и поляки не превратились в свинопасов и горничных у арийцев, а за «универсальное торжество либеральной американской демократии». И эта война продолжилась в Европе уже в виде «холодной войны», пока второй тоталитарный монстр – СССР – не самоустранился, чтобы «западная демократия», уже его не пугаясь, могла осчастливливать народы наискорейшим образом – с бомбардировщиков. Однако документы об истинных целях политики, рассекреченные недавно, опровергают новые схемы еще ярче, чем советские штампы.

Примечательны секретные переговоры сэра Джона Саймона – министра иностранных дел Великобритании с Гитлером в Берлине в марте 1935 г., запись которых стала достоянием советской разведки и была опубликована в 1997 г.. Гитлер отвергает любое сотрудничество с большевистским режимом, называя его «сосудом с бациллами чумы». Налицо разрыв с рапальской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего советско-германского пакта 1939 года. Саймон же приехал, чтобы санкционировать аншлюс Австрии. Когда Риббентроп поинтересовался британскими взглядами на австрийский вопрос, Саймон прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может беспокоиться об Австрии так же, как, например, о Бельгии, то есть о стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия», «и по всем другим вопросам, в которых то заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии» – Британия на международной конференции воспрепятствовала применению санкций к Германии за нарушения военных положений Версальского договора.

Весьма примечательно, что к выводу о подготовке в 1939 – 1941 гг. активного вступления СССР в мировой конфликт пришли и другие историки. Прежде всего, следует назвать имена Я. Замойски (Польша) и И. Хоффмана (Германия). Статья Я. Замойски «Черная дыра», сентябрь 1939 – июнь 1941 г. (К вопросу о политике СССР в начальный период конфликта) опубликована в 1994 г., но подготовлена намного раньше, к международной конференции историков в апреле 1990 г. в Москве. (4) Убедившись в том, что действия Советского Союза в тот период «не укладываются в какое-то логическое целое», не зная еще многих документов, в последующие годы опубликованных в России, автор пришел к выводу, что нижеперечисленные решения свидетельствуют о подготовке СССР к наступлению.

Это: 1. Назначение Г. К. Жукова на пост начальника Генерального штаба как победителя на Халхин-Голе, отлично показавшего себя (хотя не без критики) во время январской штабной игры. 2. Нарастающие пополнения частей в западных округах, но еще не в мобилизационном порядке. 3. Огромная программа военного производства и перевооружения РККА, результаты которой были реализованы только в 1942 г. (с учетом достижений немецкой авиации). 4. Передвижение пяти армий (16, 19, 21, 22, 25-й) из глубины страны на запад, но не в пограничные зоны, что важно с оперативной точки зрения. 5. Создание на Украине сильного оперативного кулака из 60 дивизий с тенденцией дальнейшего его укрепления. 6. Реорганизация четырех стрелковых дивизий Киевского округа в горные (Украина в основном равнинная, а перед ней – горное направление на стыке Чехословакии, Австрии с выходом к центральным, жизненно важным регионам Германии – направление, известное из Первой мировой войны). В Киевском округе формировался также воздушно-десантный корпус, инструмент необоронительного применения. 7. Разоружение укрепленных районов на старой границе. 8. Широкое строительство аэродромов вблизи западной границы и массовый подвоз туда авиабомб, что могло означать их подготовку для наступления. 9. Передвижение военных складов по личному решению Сталина на запад, что впоследствии оказалось крупной ошибкой, но что вполне понятно и правильно при наступательном варианте планируемых операций. 10. Выступление Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. (в тексте статьи 5 января 1941 г. – *ИЛ.*) о том, что война с Германией неминуема и надо быть к ней готовым в 1942 г. и что возможен не только защитный, но и предупредительный удар. 11. 6 мая Сталин становится главой правительства, что могло означать многое, в том числе и резкий поворот в сторону уступок перед Германией, но прежде всего означало, что СССР входит в период крупных и опасных решений – решений, рассчитанных на успех.

Я. Замойски сделано также важное замечание о «молчащих источниках», в которых отсутствует какая-либо информация о стратегических замыслах Сталина. В частности, акцентировано внимание на прозрачности и многозначительности многоточий в воспоминаниях Г. К. Жукова – «Гитлер... торопился, и не без причин...». В результате у Замойски сложилось убеждение в том, что «Сталин еще в период Мюнхена предпринял огромную, опасную, «с дальним прицелом» игру, рассчитанную на то, что СССР, т. е. он скажет в этом конфликте решающее слово...». (5)

В этом же направлении в своих исследованиях двигался и историк И. Хоффман, долгие годы проработавший в Институте военной истории во Фрайбурге, который пришел к выводу о том, что «Сталин заключил пакт 23 августа 1939 г., чтобы развязать войну в Европе, в которой он сам с 17 сентября 1939 г. принимал участие как агрессор... Военные и политические приготовления Красной Армии к нападению на Германию достигли кульминации весной 1941 г.». (6)

В статье Хоффмана, опубликованной в журнале «Отечественная история», содержатся дополнительные доказательства агрессивности намерений СССР. Во-первых, он приводит два очень важных факта: «Заключение нами соглашения с Германией, – сообщил Наркоминдел 1 июля 1940 г. послу в Японии, – было продиктовано желанием развязать войну в Европе». А в телеграмме советским послам в Японии и Китае 14 июня 1940

г. говорилось: «Мы бы пошли на любое соглашение, чтобы обеспечить столкновение между Японией и Союзными Штатами».

Во-вторых, в допросах военнопленных советских офицеров, хранящихся в немецких архивах, он нашел подтверждения тому факту, что действия Красной Армии на границе с Германией перед 22 июня 1941 г. действительно были окутаны тайной, смысл которой понимали далеко не все.

В-третьих, имеются дополнительные вещественные доказательства существования наступательных планов с советской стороны, захваченные немцами. Так, бывший заведующий кафедрой восточноевропейской истории Майнцского университета, профессор доктор Готтхольд Роде, в свое время переводчик и зондерфюрер в штабе 3-й немецкой пехотной дивизии, нашел 23 июня 1941 г. в здании штаба советской 3-й армии в Гродно, как он отметил в своем дневнике, «кипу карт Восточной Пруссии, отлично напечатанных в масштабе 1:50 000... Вся Восточная Пруссия как на ладони. Зачем же, – задавался он вопросом, – Красной Армии нужны были целые сотни карт?» Далее, в здании штаба советской 5-й армии в Луцке 4 июля 1941 г. были обнаружены документы, среди которых – «План политического обеспечения военных операций при наступлении». Кроме того, немцам были известны листовки, адресованные немецким солдатам, найденные, в частности, войсками 16-й немецкой армии в первый день войны, 22 июня 1941 г., у местечка Шакай в Литве. Таким образом, по мнению И. Хоффмана, хотя «Гитлер не имел ясного представления о том, что действительно готовилось с советской стороны... он своим нападением 22 июня 1941 г. предвосхитил нападение Сталина». (7)

Надо сказать, что и на Западе точка зрения о «превентивном» нападении Германии на СССР в 1941 г. подавляющим большинством историков отвергается без обсуждения. Еженедельник «Die Welt» (7 июня 1991 г.) прямо назвал сторонников этой версии «запоздалыми жертвами нацистской пропаганды». (8) Складывается впечатление, что западные историки, в особенности немецкие, больше всего боятся обвинения в симпатиях к фашизму, в неонацистских устремлениях. Эти опасения столь велики, что перевешивают стремление к истине, которым в своей работе должен руководствоваться историк. Поэтому они так агрессивны в своей критике историков так называемой ревизионистской школы, к которой относят прежде всего Суворова и Хоффмана. Недавно в этом ряду прибавилось еще одно имя – немецкий историк В. Мазер выпустил книгу «Нарушенное слово. Гитлер, Сталин и Вторая мировая война.» (в другом переводе «Вероломство...»), которая подверглась сокрушительной критике со стороны другого немецкого историка – Г. А. Якобсена вплоть до заявления, что «Мазер показал себя в этой книге несостоятельным как историк». Аргументами в его критике служат такие же категоричные утверждения, как и у наших противников этой концепции: «Нет никаких указаний, документов, которые свидетельствовали бы о том, что у Сталина были политические намерения напасть в какой-то определенный день на Германию», и вообще «нет никаких доказательств, что Сталин собирался напасть на Германию в 1941 году». К тому же, по мнению Г. А. Якобсена, «Красная Армия еще только собиралась модернизировать свои танковые войска и авиацию» (9).

К сожалению, в этом вопросе не только российские, но и западные историки руководствуются прежде всего идеологическими мотивами. Так, израильский историк Г. Городецкий, автор книг, изданных в 1995 и 1999 гг. на русском языке – «Миф «Ледокола» и «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз», – провозглашая своей целью «перевод дискуссии с дороги идеологии на рельсы Науки», видит в концепции В. Суворова только «грандиозную мистификацию», которая выгодна «для тех, кто хотел ослабить потепление политического климата, а в Германии – реабилитировать нацистский режим» (10). В этом заявлении наиболее откровенно раскрывается идеологизированность трудов самого Г. Городецкого. Было бы честнее признать, что и многие западные историки пока не готовы к серьезной научной дискуссии по этим вопросам так, как это сделал, к примеру, американский историк Р.Ч. Раак в рецензии на книгу И. Хоффмана «Сталинская всепокрывающая война 1941–1945» (11).

Попытки оправдать действия Сталина в 1939–1941 гг. беспомощны, наивны, а главное, идут вразрез с логикой. Пожалуй, Сталин не желал бы себе лучшего защитника, чем, к примеру, И. Фляйшхауэр. Приведя факт более чем полуметровой (58 см) подписи Сталина на карте – приложении к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., она стремится убедить читателя в том, что это не «империалистический триумф в связи с подписанием секретного протокола к пакту от 23 августа, а скорее своего рода разрядка в связи с тем фактом, что пакт о ненападении принес свои плоды». Хотя не было бы триумфа, то и не было бы и психологической разрядки. Более того, по мнению И. Фляйшхауэр, «карта закрепляет не разделение Польши пополам, а скорее советский отказ от большей части Восточной Польши в качестве компенсации за Литву. Сталин тогда явно предпочитал военную безопасность территориальной экспансии на Западе» (12). В последующем И. Фляйшхауэр и Г. Городецкий пытались даже доказывать, что существительное «наступление» в русском языке означает... «оборона» (13).

Дискуссии о причинах Второй мировой войны продолжаются несколько десятилетий. В них в концентрированном виде выявился главный и нерешенный вопрос всей советской истории – чего добивался Сталин, лояльный и калека страны и людей, выстраивая личную, неповторимую и ни на что не похожую систему власти? Ради чего происходило все то, что происходило в его правление? Какова была его цель?

Вариантов ответа по существу может быть всего два. Первый – лестный для советского прошлого. Второй – уничтожительный.

Первый ответ множество поколений советских людей разучивало, начиная с детского сада. Он гласит: СССР всегда последовательно боролся за мир. Сталин не стремился развязать мировую войну. Пакт 1939 г. и захват по договоренности с Гитлером территорий нескольких европейских стран был вынужденным оборонительным шагом. Сталин к нападению на Германию в 1941 г. не готовился, он готовился к обороне и именно с этой целью вывел на границу всю Красную Армию. Но защищаться почему-то не смог, и армия, которая к на-

падению не готовилась, но и к обороне почему-то оказалась не готовой, погибла летом 1941 г. в результате коварной агрессии Германии.

Второй ответ впервые в полном виде дается во многих последних работах российских авторов М. Мельтюхова, В. Неvejeина, И. Павлович. Он звучит так: Сталин сознательно, с первого же момента прихода к власти в конце 20-х годов начал готовить завоевание Европы. Его цель была милитаризовать страну, спровоцировать мировую войну, вступить в нее в самый удобный момент и остаться, в конечном счете, единственным победителем. Провокация войны удалась в 1939 г. Кульминация советского нападения на Европу должна была прийти на лето 1941 г., но Сталин ошибся в сроках и позволил Гитлеру напасть первому.

Иногда встречается и третий вариант – Сталин вообще ни о чем не думал, ни к обороне, ни к нападению не готовился, никаких планов не имел, а войска двигал туда-сюда без всякой цели. Но рассматривать всерьез вариант Сталина-идиота не имеет смысла.

Выстроить последовательную защиту альтернативного варианта советской истории тоже до сих пор никто не решился. Для этого следовало бы доказать, что Сталин не только в принципе не готовил захват Европы, но и что у его внешней, внутренней, экономической и культурной политики были какие-то другие, неизвестные пока цели. Сегодня мы достаточно много знаем о Сталине, чтобы с большой долей уверенности утверждать – такая версия недоказуема.

Источники и литература

1. Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalismus und Bolschewismus. 1997.
2. Raak R.C. Рец. на кн.: . Stalins Vernichtungsrieg 1941–1945. By Joachim Hoffman. Vunich. 1995// Slavic Review. 1996. Vol. 55. – P. 493–494.
3. Книжное обозрение. 1995. 21 февраля; Городецкий Г. «Ледокол»? Сталин и путь к войне // Война и политика. – С. 244–252.
4. Лит. газ. 1994. 21 сентября; Якобсен Г.–А. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: два взгляда. – М., 1995. – С. 84.
5. Накануне... – С. 242–243.
6. Неvejeин В.А. Синдром наступательной войны... – С. 155.
7. Отечественная история. – 1993. –№ 4. – С. 29. Положения статьи развиты в его книге: Hoffman J. Stalins Vernichtungsrieg 1941–1945. Planung, Ausföhrung und Documentation. Munchen. 1999. Первое издание этой книги было осуществлено там же в 1995 г.
8. Пайас Ричард. Три «почему» русской революции. – М.: 1996. – С. 30–40.
9. Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994.
10. Терри де Монбриаль. Память настоящего времени. – М.: 1997. – С. 54.
11. Цит. по: Борозняк А.И., Буханов Е.Л. Рец. на кн.: Два пути на Москву. От пакта Гитлера – Сталина к операции «Барбаросса» (на нем. яз.), 1991 // Вопр. истории. – 1993. –№ 8. –С. 176. См. также: Якобсен Г.–А. Противоречивые оценки 22 июня 1941 года // Война и политика, 1939–1941. –М., 1999. – С. 253–269 и др.

Гадяцкий В.И.

ТЕХНОЛОГИЯ „ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ”: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ НЕОТОТАЛИТАРИЗМ?

Вокруг недавних перипетий с президентскими выборами спешно запущено множество сладеньких мифов и официозных догм. Но нельзя останавливаться перед неприятными выводами. Г. Гегель недаром сказал: „Мужественное принятие истины, вера в силу духа – первое условие занятия философией” [1, с. 372]. Надо адекватно оценивать изменения власти без тоталитаристского увлечения массами и вождями, с позиций современного знания психологии масс, увидеть, что в этих событиях ведет к преодолению тоталитаризма, а что – к его обновленным формам.

Телетрансляция „революции в прямом эфире” с площади – наглядное пособие по психологии масс, иллюстрация к произведениям Лебона и Московичи. Вот актуальные тезисы этих авторов.

Люди в толпе представляют собой особый организм, который имеет иные качества, чем индивид, подобно тому, как организм имеет другие свойства, чем клетка. Человек в массе руководствуется подсознательным, у него теряется критическое отношение к происходящему, он легковверен, склонен к внушению, подчиняется коллективному бессознательному. Мысли и верования распространяются в толпе путем догматического утверждения, навязчивого многократного повторения и психической заразы, которая в толпе сродни микробам. „Собравные в общественные стада, одурманенные той таинственной силой, которую источает всякая перевозбужденная группа, люди впадают в состояние внушаемости, сходное с наркотическим или гипнотическим” [2, с. 47]. В толпе, подчеркивает Московичи, люди желают идентифицировать себя с вождем; индивидуальное самосознание распадается, вместо него возникает психическое единство толпы. „Живя в воображаемом мире, одурманенные образами и иллюзиями, сосредоточенными в бессознательном, толпы готовы проглотить все, что им преподносится и действовать в соответствии с этим” [2, с. 145].

Как собираются люди на майдане? Да, люди стремятся к свободе, желают повлиять на власть и общество. Но есть и другое – потребность в празднике, карнавале, зрелище политического соревнования. А есть еще и бегство от свободы – феномен, исследованный Достоевским и Фроммом. Свобода – это ответственность, – от нее и убегают. В том числе и на площадь. Бегут от одиночества, раздумий и сложного выбора, – в толпу, чтобы быть частицей большого общего, вплоть до желания в нем раствориться, найти опору в вожде.